

Теория и история архитектуры. 2023. Вып. 1. С. 3–19
Theory and History of Architecture. 2023, no. 1, pp. 3–19
НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / RESEARCH PAPER

УДК 72.012

DOI: 10.22227/2712-8237.2023.1.3-19

Исторические перемены во взглядах на архитектурную модернизацию среды¹

Игорь Андреевич Бондаренко

Филиал «ЦНИИП Минстроя России» Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства (Филиал «ЦНИИП Минстроя России» НИИТИАГ);
г. Москва, Россия

В статье, подводящей итоги трехлетнего исследования, рассматриваются основные проблемы модернизации среды жизнедеятельности средствами архитектуры и градостроительства в длительной исторической ретроспективе. Характеризуются стойкие традиции циклического обновления построек и комплексов при всемерном поддержании преемственности, затем отмечается переход к преимущественно линейному взгляду на ход исторического процесса, который стимулировал поиски образа идеальной архитектуры будущего. В этом ключе рассматриваются и имперские, и революционные атеистические проекты, причисляемые нередко к разряду социальных утопий. Особое внимание уделяется возросшим в последнее время заботам об охране наследия и сдерживании тем самым модернизационной активности, что вызывает надежды на нормализацию процесса развития и совершенствования городской, пригородной и сельской среды.

Ключевые слова: архитектура; город; среда; история; наследие; традиционализм; модернизация; идеалы; преходящее; вечное

Для цитирования: Бондаренко И.А. Исторические перемены во взглядах на архитектурную модернизацию среды // Теория и история архитектуры. 2023. Вып. 1. С. 3–19. DOI: 10.22227/2712-8237.2023.1.3-19

Автор, ответственный за переписку: Бондаренко Игорь Андреевич, igor.bondarenko.54@mail.ru

Historical changes in views on architectural modernization of the environment

Igor A. Bondarenko

Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning, branch of the Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation (NIITIAG); Moscow, Russian Federation

The paper, summing up the results of a three-year research, considers the main problems of modernization of the living environment by means of architecture and urban planning in a long historical retrospective.

¹ Исследование проведено в Филиале ФГБУ «ЦНИИП Минстроя России» НИИТИАГ по плану ФНИ РААСН и Минстроя России на 2023 год. Тема «Архитектурная модернизация среды жизнедеятельности: история и теория».

The paper characterizes the persistent traditions of cyclic renewal of buildings and complexes while maintaining continuity in every possible way, and then marks the transition to a predominantly linear view of the course of the historical process, which stimulated the search for the image of the ideal architecture of the future. Both imperial and revolutionary atheistic projects, often classified as social utopias, are considered in this context. Particular attention is paid to the recent increased concern for heritage protection and thus curbing modernization activity, which raises hopes for the normalization of development and improvement of urban, suburban and rural environments.

Keywords: architecture; city; environment; history; heritage; traditionalism; modernization; ideals; transient; eternal

For citation: Bondarenko I.A. Historical changes in views on architectural modernization of the environment. *Teoriya i istoriya arkhitektury (Theory and History of Architecture)*, 2023, no. 1, pp. 3–19. DOI: 10.22227/2712-8237.2023.1.3-19 (in Russian).

Corresponding author: Igor A. Bondarenko, igor.bondarenko.54@mail.ru

История содержит массу примеров того, как стремительно преобразовывалась до неузнаваемости среда городов в условиях ничем не сдерживаемого экономического роста. И как она деградировала при негативных экономических и политических явлениях. Самым интересным оказывается опыт управляемого развития, когда стихийные процессы удавалось обуздывать, вводя определенные запреты или стимулы для архитектурно-градостроительной деятельности. Впрочем, не всегда этот опыт получался удачным.

Проектирование здания, а тем более комплекса, ансамбля, целого поселения должно отвечать запросам не только индивидуумов, но и коллективов, социальных слоев, общественно-политических, этно-конфессиональных, а также производственных объединений и государственных структур. Мало того, каждому построенному объекту подобает стать достойной принадлежностью своей улицы, своего города, местности, региона, да и всей страны, коль скоро архитектура в совокупности с природой формирует ее образ.

В былые времена ведущие сооружения, святыни и города очень внимательно, с чрезвычайным усердием встраивались архитекторами в природу. Они органически вращались в местную почву, чтобы жить заодно с ней — благополучной общей жизнью. И они несли в себе представления о благом вселенском мироустройстве. Они созидались не просто для людей, но во славу боготворимых предков, учителей, героев и самого Творца. Поэтому мы и находим в них так много естественности, красоты, величия и гармонии.

Современные города, безусловно, нуждаются в модернизации, но только такой, которая направлена на деликатное совершенствование, гуманизацию и гармонизацию их архитектурно-пространственной среды при всемерном сохранении накопленных веками историко-культурных и художественных ценностей.

Стойкий традиционализм

Традиции обычно противопоставляются новациям, но это не вполне правомерно. При ближайшем рассмотрении оказывается, что архитектурно-градостроительные традиции всегда предусматривали не только сохранение, но и обновление старого. Многие календарные обряды посвящались проводам отжившего свой срок и встречам нарождающегося вновь (*Календарные* 1983). Идея циклической смены поколений, так же как и времен года,

и времен суток, лежала в основе традиционной культуры, а с ней и архитектуры, и прочих искусств и ремесел (*Байбурин 1993*).

Жизнь рукотворных созданий, как и нерукотворных, длилась во времени, подходила к концу, а потом начиналась заново. Поэтому ни в старине, ни в новизне не заключалось чего-то неведомого и пугающего. Все строилось и функционировало по известным образцам, оваянным авторитетом предков, жрецов и старейшин. Впрочем, образцы никогда не воспроизводились механически. Новое лишь подражало им, передавая ощущение преемственности. По сути дела то же всегда происходит и в природе: отпрыски одного рода при всей своей генетической близости обязательно обретают индивидуальность. Жизненные циклы походят на круги, но являются все же ветвями спиралей.

Это важно отметить, чтобы не представлять себе древние традиции чем-то совершенно неизменным. Они изменялись, дополнялись, эволюционировали. Как чужие семьи роднились между собой, так и локальные культурные традиции вбирали в себя новации, адаптировали их и взаимообогащались. Подобным образом веками шел процесс плавного, устойчивого развития.

Формирование крупных родоплеменных, а следом и государственных объединений, конечно, нарушало плавность развития и интенсифицировало взаимодействие и модификацию разных культур. Но войны и договоры о мире приводили к тому, что чужое довольно быстро становилось своим и начинало использоваться все по тем же извечным правилам. Вместе с тем происходило и закрепление наиболее существенных знаков этно-конфессиональной идентичности. Угроза захвата родной земли инородцами и иноверцами вызывала у людей естественную защитную реакцию.

Архитектура всегда была частью культуры (*Архитектура 2019*). Она тоже старела и обновлялась. Но монументальные сооружения строились на века и преодолевали власть времени, подобно священным камням, деревьям, реликвиям. Культурные объекты несли в себе идею вечности, божественного бессмертия, хотя и их приходилось подлатывать, модернизировать, дабы не допускать признаков тления. Этот аспект традиционного мировоззрения проливает свет на исходную мотивацию актуального сегодня движения за сохранение и реставрацию памятников архитектуры.

Приход на смену язычеству монотеистических религий заметно преобразил мир. Следование календарным циклам, замещенным церковными праздниками, осталось, но на передний план выдвинулись провиденциализм и эсхатология. Круги времени умозрительно выправились в одну линию — от сотворения мира до его гибели и преображения. Эпоха Средневековья была проникнута ожиданием скорого конца света, всеобщего воскрешения, Страшного суда (*Соколов 1979: 4–71*).

Упование на Истину давало право и силу миссионерам сокрушать идолов, а с ними и устои давних традиций. Крещение Руси с самого начала осмысливалось как благодатное обновление, очищение и преображение земли, пребывавшей дотоле во власти «ветхого» закона. Эту мысль вдохновенно выразил во времена Ярослава Мудрого митрополит Иларион в своем знаменитом «Слове о Законе и Благодати» (*Митрополит 1989*).

Христианизацию и исламизацию обширных территорий можно трактовать как глобальную модернизацию локальных культур и всей жизненной среды. Однако результатом этой модернизации стало формирование не только новых типов зданий, новых выразительных архитектурных форм и образов, но вместе с тем и новых стойких традиций, в которых заметны как принципиальные отличия от прежних, так и определенные преемственные связи с ними.

Архитектурная идеализация действительности

Христианская религия вселила в человека веру в лучшее будущее. Ее ревностные поборники, осуждая грехи мира сего, удалялись в монастыри, где создавали братства во Христе. В то же время и светские власти, объединяясь с церковными, старались выстраивать государственность, отвечающую христианским идеалам. В исламских и буддийских землях, при всей их специфике, проявлялись интенции, сходные по смыслу.

Китайские императоры еще до появления буддизма смогли воплотить в жизнь конфуцианское учение о правильном иерархическом устройстве государства и социума. Эта правильность и размеренность наглядно проявлялась из века в век в регулярной планировке и застройке столичных городов (*Шевченко 2021*).

Стремление к планировочному упорядочению поселений заявляло о себе и на Ближнем Востоке, и в Африке, и в Европе. Показательна нарезка на одинаковые прямоугольные участки поселений древнегреческих колонистов, применявшаяся еще в архаический период. Она символизировала справедливое устройство общины и покорение ею далеких диких пространств. Впоследствии на этой основе выросло великолепное искусство регулярной «гипподамовой» планировки, особенно вдохновлявшей градостроителей Нового времени.

Геометрическая правильность, симметричность построения архитектурных планов, так же, как и объемов, была присуща большинству храмовых и дворцовых комплексов. Это объясняется их соотносительностью с умообразными образами высшего, неземного происхождения. В Китае император считался «сыном неба», призванным насаждать и поддерживать на земле всеобщую гармонию. Обожествление фараонов и царей в других странах по большому счету преследовало ту же цель.

Идея теократии хорошо объясняет не только возведение в древних городах пирамид, зиккуратов, дворцов на высоких платформах, но и создание контрастов между ними и приземленными жилищами простых смертных. Эти контрасты породили расхожие легенды об устрашающе-деспотических режимах рабовладельческих монархий. Однако подвластное население там находилось вовсе не на положении рабов. Оно было искренне заинтересовано в возвышении своего правителя, дабы чувствовать его сопричастность богам и тем самым наличие у него сверхчеловеческой силы, столь нужной для защиты и процветания города и государства.

Новая эра, ведущая свой отсчет от Рождества Христова, стала отличаться от прежних стремлением к искоренению пороков земного существования. Низкое происхождение перестало быть препятствием к получению ореола праведника. А короли, знатные вельможи и даже церковные иерархи в силу своей высокой социальной ответственности оказались под угрозой уличения в греховности. Появилось упование на второе пришествие Мессии и Страшный суд, который раскроет истинное лицо каждого.

Все христиане ждали конца света в 1492 г. В Москве к этой дате почти успели радикально перестроить Кремль. По-видимому, то считалось делом благим и богоугодным. Однако время не остановилось, и Москва продолжила преобразоваться, претендуя на роль Нового Царьграда. В Хронограф 1512 г. была включена знаменательная фраза о том, что «наш Третий Рим растет и оmlажается» (*Хронограф 1911*). Главный город воспрянувшей Руси в самом деле сказочно обновился в архитектурном отношении (*Можаев 2022*). Вместе с тем реформаторский пыл властей оказался чрезмерным: он довел страну до церковного

раскола. Очень многим стало казаться тогда, что насаждаемое благочиние — от лукавого. Апокалипсические пророчества сбываются (Бычков 1992: 453–490).

Описанный Иоанном Богословом Новый Иерусалим, «сходящий с неба» для того, чтобы в момент гибели старого мира принять в себя достойных, владел воображением верующих, и его лучезарный кристаллический образ постоянно воздействовал на архитектуру и градостроительство. Но в эпоху Средневековья все понимали, что это образ из будущего. С приходом же Нового времени стало казаться, что светлое будущее уже настает и Царство Небесное совсем близко. Государственная власть обрела форму абсолютизма и начала со все возрастающей настойчивостью воплощать идеал абсолютной гармонии здесь и сейчас.

В градостроительстве возник культ планировочной регулярности, а в объемной архитектуре — стилистического единства античного образца, признанного классическим. Западноевропейские и российские монархи мечтали о наследовании величия Римской империи заодно с высочайшими художественными достижениями Древней Греции. Увлечение античностью порождало фантазии на тему «Золотого века» и социальной идиллии, царившей некогда в «Утопии» Платона. На этой почве стали появляться и популяризоваться учения «социалистов-утопистов».

Идеализация античности позволяла сращивать ее образы с высокоморальными христианскими представлениями о правильном мироустройстве. При этом в эпоху Просвещения прежде всего в среде ученых, называвших себя «деистами», сложилось убеждение в том, что человек должен искать закономерности в строении естества, не прибегая к помощи Бога, который, сотворив мир, удалился от него, заняв положение стороннего наблюдателя. Такое убеждение очень поспособствовало свободному саморазвитию светских наук и искусств. Но следствием этого стало обмирщение большинства сторон жизни, включая архитектуру. Религия отошла на второй план, и то, что было недосыгаемо-священным как образ горного града и райской обители превратилось в тему профанного градостроительного и ландшафтного искусства.

Великие географические и научные открытия дали мощный толчок развитию реалистического, хотя и овеянного романтизмом образа мыслей. Развернулось освоение и присвоение невиданных ранее богатств земли. Возник колониализм, сопряженный с расовой дискриминацией. Для одних реальность оказалась тягостной, для других прекрасной в своем идеализированном виде.

Беспрецедентная по размаху деятельность по перепланировке городов Российской империи нацеливалась на наведение полнейшего порядка и красоты в этом «лучшем из миров». Древнерусское градостроительное наследие при этом беспощадно уничтожалось, как не имеющие ценности и только портящее имидж просвещенной империи. Именно имиджевые, престижные соображения ставились во главу угла осуществлявшейся во второй половине XVIII – первой трети XIX вв. модернизации жизненной среды. Конечно, действительность оставалась далеко не идеальной, но тогда казалось, что ее идеализированный образ оправдывает все издержки реальной практики (Грязнова 2021).

«Абсолютное» совершенство классицизма получилось, однако, не вечным. Пришло время программного обращения к национальным архитектурным традициям. В России по инициативе самого императора был синтезирован русско-византийский стиль, давший толчок к творческому освоению самобытного средневекового наследия (Кириченко 2020). Все больший интерес стала вызывать всеобщая история архитектуры, на почве которой формировалась архитектурная эклектика, предлагающая стилизовать на выбор образцы самого разного происхождения.

Характер городской среды начал быстро меняться в угоду новым вкусам и потребностям, тем более, что настало время активного капиталистического развития. Промышленный бум вызвал приток населения в города и породил острую жилищную нужду. Старательно насаждавшееся долгие годы гармоничное ансамблевое единство застройки оказалось прекрасным миражом, легко разрушающимся под натиском строительного прагматизма и алчности. Реальность перестала поддаваться архитектурно-художественной идеализации. Подошла эпоха больших идеологических, политических и социально-экономических потрясений.

Архитектура без истории

Старые перенаселенные и испорченные фабриками, заводами и транспортом города попали под огонь беспощадной критики. Так же как и вся капиталистическая формация. Появились революционеры и в политике, и в искусстве. Футуристы рубежа XIX–XX вв. на удивление прозорливо обрисовали технократическую цивилизацию будущего. Демонстративно порвавший с академизмом архитектурный авангард набрал силу и популярность в леворадикальных кругах благодаря бросающейся в глаза чистоте излюбленных им геометрических форм и эмоциональной свободе композиционных манипуляций с ними (Хан-Магомедов 1996). Стало казаться, что теперь все исторические образцы отпали за ненадобностью. Ход истории завершился, значит, настала вечность. Это захватывающая дух идея имела давнее религиозное происхождение, о чем упоминалось выше. Но в рассматриваемое время она стала подчиняться атеистической философии диалектического и исторического материализма. Отрекаясь от старого мира, люди взялись строить новый — своими руками, на сугубо рациональной основе, с верой только в себя и научно-технический прогресс.

Было провозглашено, что формы новой архитектуры должны следовать за реальной жизненной и производственной функцией, как и за строительной конструкцией, а в отношении эстетической выразительности — удовлетворять объективным психологическим закономерностям здорового человеческого восприятия, не затуманенного надуманными историко-культурными смыслами и церковным мистицизмом. Многим верилось, что освобождение от тяжелого скарба традиций и суеверий позволит быстро разрешить накопившиеся социальные проблемы и построить истинный коммунизм.

Однако жизнь оказалась гораздо сложнее. Традиции беспощадно искоренялись, но сами собой не отмирали. Октябрьская революция 1917 г. не уничтожила среду буржуазных городов, но только заметно ухудшила ее эксплуатацию. Новаторская архитектура никак не могла в одночасье преобразить реальность. Она лишь знаменовала собой наступление новой эры. Значит, история все-таки не завершилась, а продолжилась на новом витке развития.

На Западе «Современное движение» тоже выглядело революционно и тоже пробивало себе дорогу с трудом. Старые города не поддавались на нигилистические призывы Ле Корбюзье снести их, чтобы кривые улицы «ослов» перестали мешать жить «по-человечески» и чтобы высвободить хаотически застроенные территории для свободной расстановки среди зеленого простора башен на ножках или огромных протяженных корпусов, прекрасных в своей стандартизированной рациональности.

И все же мечты поборников модернизма во многом осуществились в дальнейшем. Распространившись по всему свету, глобальный архитектурный стиль современности сильно,

порой до неузнаваемости, изменил среду жизнедеятельности самых разных стран и народов. И он сблизил людей планеты своей нарочитой интернациональностью и оторванностью от корней местных культур.

Почему смогло осуществиться такое радикальное архитектурное преобразование мира? Конечно, экономичность и технологичность сооружений упрощенного типа привлекали застройщиков. Строительные фирмы очень поспособствовали распространению легко штампуемой унифицированной архитектуры. И все же главная причина успеха модернизма видится в формировании соответствующего вкуса у людей, желавших позиционировать себя в качестве прогрессивной элиты современного общества. Это подтверждает тот факт, что лучшие произведения выдающихся мастеров модернизма были далеко не дешевым удовольствием для заказчиков. Они получались и очень сложными, рискованными, и совсем аскетичными, но элегантными. Надо не забывать, что чем проще архитектурная форма, тем выше должно быть техническое качество ее исполнения, иначе она не получит эстетической выразительности.

Авангард воодушевлялся идеей новаторства. Он настраивал архитекторов отказаться от подражаний и культивировать свой собственный врожденный талант, создавая каждое произведение заново, как будто с нуля, из ничего, без исторической преемственности. Но что произошло на практике? Всего лишь утверждение новых «пяти принципов» и покорное следование им при самом обычном подражании показательным объектам, спроектированным наиболее успешными архитекторами. Очень быстро массовое распространение модернизма обрело черты нового традиционализма, причем строго обязательного и малохудожественного, способного обходиться вовсе без талантливых новаций.

Такой вывод из рассмотрения архитектурно-градостроительной теории и практики прошлого века говорит о том, что отказ от идеализации действительного положения дел не смог состояться и в Новейшее время, несмотря ни на какой материализм, рационализм, прагматизм и даже введение в СССР государственной плановой системы при отсутствии частной собственности. Реальные заботы о санитарно-гигиеническом и инженерно-техническом состоянии городов, конечно, проявлялись, и настойчиво, по мере возможности. Однако этих забот был непечатый край, особенно в условиях ускоренной индустриализации нашей огромной страны.

Практику приходилось приукрашивать теорией и далеко идущими планами. Вот почему А. В. Иконников счел возможным обвинить по большому счету всю архитектурную и градостроительную деятельность XX в. в утопичности (Иконников 2001–2002).

Идеологизированный историзм

Для советской власти чрезвычайное значение приобрела борьба на идеологическом фронте. Поэтому понадобились показательные успехи и всемерное подбадривание трудящихся масс. Волей-неволей стал повторяться опыт идеализации архитектурно-пространственного устройства Российской империи времен классицизма. Для этого понадобились мастера архитектуры «старой», как говорили тогда, т.е. дореволюционной стилизаторской школы.

Но и они говорили о порче городов в эпоху хищнического капитализма. Ранее города были гораздо более красивыми и гуманными, поэтому весьма полезно учиться у их создателей высокому градостроительному искусству. Это можно назвать общим мнением тех лет,

которое объясняет причины почтительного отношения к классицизму и презрительного к буржуазной и мещанской архитектуре эклектики, а заодно и модерна.

Исходя из такой постановки вопроса, в 1930–50-е гг. развернулось широкое изучение и практическое освоение мирового и российского классического архитектурного наследия. Лидирующую роль в решении этой государственной задачи сыграла Всесоюзная Академия архитектуры (позже Академия архитектуры СССР). С одной стороны, ей было поручено подхватить и восстановить отвергнутую было линию преемственности, а с другой — вменялось в обязанность, используя только лучшие достижения прошлого, создать принципиально новую архитектуру, достойную общества победившего социализма. Задача была идеологической, но одновременно и высокопрофессиональной. Она увлекла архитекторов и принесла свои плоды.

Городская среда была заметно модернизирована, особенно после Великой Отечественной войны, когда пришлось вести беспрецедентные по масштабам восстановительные работы. Можно критиковать чрезмерную помпезность новых проспектов и «дворцов для народа», но нельзя отрицать оправданность их создания Великой Победой. И нельзя не признать, что создавались они с высоким уровнем архитектурного мастерства. Недаром сегодня наследие тех трех десятилетий ценится как уникальное, хорошо узнаваемое и во многих случаях градоформирующее.

Архитектурные памятники прошлого в данном случае служили не столько объектами для подражания, сколько опорой и материалом для новых творческих достижений. В истории бывали такие моменты, когда ставилась задача превзойти предшественников и создать нечто экстраординарное, достойное стать впоследствии главенствующим образцом для всех. Вспомним хотя бы легендарную фразу Юстиниана, восхищенного только что построенным собором Софии в Константинополе: «Я превзошел тебя, Соломон!»

В Советском Союзе речь шла не об одном шедевре, интегрирующем в себе все лучшее из истории человечества, но сразу о многих, разного типа и назначения. Нельзя сказать, что воцарилась абсолютная архитектурная самобытность, поскольку многое вытекало из достаточно известных советским архитекторам исканий общеевропейского и американского стилизаторства и неоклассицизма. Но декларировалась именно самобытность, полнейшая творческая самостоятельность. В частности, в московских высотках запрещалось видеть «американо-небоскрежный эклектизм» (выражение Эль Лисицкого) (*Лисицкий* 1934). Все должны были соглашаться с их местным, русским происхождением, для чего специально использовались некоторые заимствования из кремлевских и других памятников.

Сталинская архитектура имела черты сходства с тем, что строили европейские тоталитарные режимы. Они тоже отвергали авангард и насаждали тяжеловесную неоклассику. Но ее романтизировал дух национального романтизма с элементами мистического экспрессионизма. А в многонациональном СССР такое категорически не допускалось. Идеологическая машина здесь была очень точно настроена на формирование в архитектуре, как и в монументальном искусстве, в живописи, литературе, музыке, ощущения оптимизма, бодрости, радости, трезвой уверенности в завтрашнем дне. Профессионалы любили тогда рассуждать о правдивости архитектуры, ее соразмерности, масштабности, гармоничности, ансамблевости. В этом и должно было состоять преимущество «социалистического реализма», овеянного совершенно новой романтикой упорного созидания своими руками прекрасного будущего. Советская идеология требовала отказа от идеализма.

Реальная жизнь получалась не такой лучезарной, а помпезные ансамбли советских городов могли вызывать не только восторги, но и гнетущее впечатление, поскольку в них демон-

стрировалась чрезвычайная концентрация властных полномочий весьма жестокого государства. Под строительство нового мира был подведен исторический фундамент, но прежняя естественность обновления и обогащения архитектурных традиций не восстановилась.

Демократизм и технократизм

Если бы Н.С. Хрущев не отменил «украшательство», то мы могли бы найти свой путь в развитии архитектуры. Из нее постепенно ушел бы дух подавления инакомыслия, она стала бы доступной не только для номенклатуры, но и для масс, т.е. демократичнее, дешевле, легче, и при сохранении высокого профессионализма проектировщиков.

Однако было решено наказать архитекторов за служение «культу личности». Резкий переход к массовому индустриальному домостроению должен был продемонстрировать, что советская власть признает и исправляет ошибки. Она перестает теперь расходовать народные деньги на дорогостоящие «архитектурные излишества», пускающие пыль в глаза, и начинает «заниматься делом», а именно скорейшим разрешением застарелой проблемы жилищной нужды. Во главу угла были поставлены чисто практические и технические задачи. Строитель — прораб — стал наконец-то настоящим гегемоном, а архитектор — прислуживающим ему проектировщиком. Как говорили потом не раз, «телегу поставили впереди лошади». Приоритет был отдан «базису», а создание «надстройки» над ним отложено на потом. Все в русле тогдашней философии диалектического материализма.

Многие семьи были счастливы получить бесплатно отдельную квартиру «со всеми удобствами». А то, что дома и формируемое ими пространство не имеют признаков «настоящей» архитектуры, можно было и пережить. Во всеуслышание объявлялось, что новостройки рассчитаны на небольшой срок эксплуатации (25 лет), а потом наступит «небывалый расцвет», благоденствие, коммунизм. В это плохо верилось, но мечта была отрадной.

Импортированные из Франции строительные технологии и минималистская эстетика производили впечатление действительной демократизации общества и среды жизнедеятельности. Тому во многом содействовало развитие международного сотрудничества, облегчение идеологического прессинга, возникновение оптимистической духовной атмосферы, которая осталась в памяти как «эпоха оттепели» (*Эстетика 2013*).

Архитекторы начали быстро осваивать язык современной архитектуры, поскольку от них потребовалось создание «образцово-показательных» объектов, доказывающих безусловные успехи СССР в конкуренции с Западом. Это поспособствовало восстановлению престижа профессии, хотя трудные взаимоотношения со строительным комплексом остались на десятилетия.

«Советский модернизм», как его не совсем точно окрестили исследователи нашего времени, производил двойственное впечатление. С одной стороны, он удручал лавинообразным наступлением бездушной типовой продукции дешевого строительного производства, а с другой, радовал появлением отдельных оригинальных творческих решений, в которых улавливалось желание преодолеть примитивные стереотипы и выйти на новую фазу развития архитектуры, которая получила в дальнейшем наименование постмодернизма.

Важно отметить, что в сфере таких творческих поисков советские архитекторы были весьма самостоятельны, поскольку оставались в стороне от философии постмодернизма и новейших модных течений Запада. Для них гораздо важнее было создание неких формотворческих аллюзий на тему новейших естественно-научных открытий и освоения человеком космоса, в чем так заметно преуспел Советский Союз (*Михейкин 2023*).

Особое значение имел тот факт, что опытейшие мастера архитектуры 1930–50-х гг. стали преподавателями. Они учили молодое поколение современной архитектуре, не забывая о величии и фундаментальности классики. К этому примешивался отчасти их же авангардный опыт времен ВХУТЕМАСа. Сложилось благоприятные условия для совершенно уникального саморазвития советской архитектуры. Правда, это чувствовалось по большей части в стенах МАРХИ и лишь некоторых других вузов, тогда как на практике преобладал и продолжал нарастать вал типового проектирования, подавлявшего творческие потенции архитекторов и нивелировавшего великое разнообразие поселений и ландшафтов огромной страны.

Многоэтажная застройка обширных пригородных территорий, названных микрорайонами, сметала с лица земли исторические деревни, от которых оставались одни названия. Параллельно происходило уничтожение и далеких деревень, признанных «неперспективными». В колхозах и совхозах стали строить пятиэтажки и производственные корпуса прямо под окнами сельских жителей на отрезанных у них участках и бывших выгонах для скота, разведение которого в частном порядке стало пресекаться. Политика индустриализации и урбанизации была напористой и совершенно бесцеремонной по отношению как к исконным народным традициям, так и к природным ландшафтам. До сих пор мы пожинаем плоды откровенной порчи очаровательной пейзажной среды на территориях наиболее активно развивавшихся в то время агропромышленных комплексов.

К сказанному надо добавить, что многие поселения стали заложниками крупных предприятий, моногородами, как их называют теперь, а другие попали под затопление, вызванное строительством колоссальных гидроэлектростанций с каскадами водохранилищ. Что говорить об «отдельных недостатках» в архитектурной организации жилой среды, когда по всей стране осуществлялись великие планы покорения и преобразования природы?!

При всем том в 1960–70-е гг. были приняты решения о массовом выделении горожанам садово-огородных участков. Не в гибнущих деревнях, а в лесах, на торфяниках и неудобьях. Такая удивительная демократизация дачного строительства произвела большой социально-экономический и психологический эффект. Очень многие граждане стали сезонными мигрантами. У них появилась возможность сравнивать жизнь в городе и на природе. К тому же не оборвались связи и с деревенскими родственниками, у кого они остались. Это нельзя не учитывать при обсуждении темы модернизации среды жизнедеятельности в последние десятилетия существования СССР.

Любое действие вызывает противодействие. Реакцией на внехудожественный утилитаризм заводского производства стало развитие «технической эстетики», вооружившей новую архитектуру и прикладное искусство, именуемое сегодня дизайном. Эта реакция соответствовала глобализационному тренду. Но начала возникать и другая антиглобализационная реакция на происходящее в защиту местного историко-культурного и природного наследия, его неповторимого своеобразия и недооцененной красоты. Зазвучала и душевная боль за судьбу русской деревни.

Архитектурное наследие и современность

Выдающиеся памятники архитектуры ценились испокон веков. Но это почти не препятствовало модернизации окружающей среды. Теперь же, когда модернизация стала столь масштабной и радикальной, возникло сожаление об исчезновении скромной рядовой застройки, создающей особую атмосферу, «ауру», необходимую и памятникам, и самим жителям, любящим свой город. Сфера охраны и реставрации объектов историко-культур-

ного наследия начала привлекать все большее общественное внимание. Стал развиваться внутренний и международный туризм по «Золотому кольцу» и другим достопримечательным в архитектурном отношении местам. Была признана ценность старинной застройки обширных территорий центров исторических городов.

В теории архитектуры и градостроительства довольно быстрое распространение и признание получил так называемый «средовой подход», оказавший впоследствии значительную помощь в смягчении диссонансов между «старым» и «новым». Стали все чаще говорить о том, что современная архитектура должна подчиняться охраняющим памятники регламентам и не вредить сложившейся среде. Однако формально-стилистическая имитация исторического окружения по-прежнему считалась недопустимой.

Архитекторы проявляли стойкую приверженность не так давно освоенной модернистской эстетике. Очевидно, им хотелось ощущать себя в мейнстриме мирового архитектурного процесса. Приход постмодернизма раскрепостил формотворчество, изменил отношение к истории, но не отменил прежнего стремления к выражению чувства современности. И во время обучения в вузах, и на советах в проектных организациях постоянно звучало требование: всякая новая постройка должна нести в себе дух современности и отличаться тем самым от построек исторических. Архитектура всегда отображала специфику своего времени. Нельзя нарушать этот закон и создавать подделки под старину, вводящие людей в заблуждение.

Подделки осуждались и в реставрационной практике. Принятая в 1964 г. Венецианская хартия требовала восстанавливать памятники так, чтобы зрителю было понятно, где сохранились подлинные части, а где пришлось сделать современные вставки. Во главу угла была поставлена научно-познавательная ценность архитектурного наследия. Борьба за историческую правду и против фальшивой иллюзорности считалась делом чести.

Вместе с тем жизнь показала, что людям нужна не только правдивая констатация горьких утрат, но и вера в возможность залечивания полученных ран, исправления повреждений, а то и полного воссоздания, возрождения из пепла, подобно сказочному Фениксу, дорогих сердцу архитектурных объектов и артефактов. Огромным уроком в этом отношении стало послевоенное восстановление разрушенных городских и пригородных ансамблей. Консервировать те руины было невозможно. В Европе следы разрушений остались очень заметными, так как уничтоженная историческая застройка была замещена по большей части нейтральными модернистскими вставками, что не могло принести отрады (Щенков 2011). Гораздо более убедительным оказалось радикальное обновление советских городов, вышедших из войны победителями. Совершенно правильным, по общему мнению, было и решение осуществить целостную реставрацию сильно поврежденных императорских дворцов под Ленинградом.

После распада Советского Союза проявилось стремление восстановить преемственные связи с национальной историей, исправить ошибки прошлого (Вятчанина 2022). На этой волне было принято решение о воссоздании храма Христа Спасителя. Видные архитекторы выступили тогда с предложением провести конкурс и найти новый, современный образ главного собора России, но первые лица государства и церкви сочли более правильным именно воссоздание уничтоженного большевиками исторического памятника. За этим последовали воссоздания крупных храмов и в других городах, а также строительство мечетей и дацанов там, где исповедуют ислам и буддизм.

В Москве был восстановлен Казанский собор на Красной площади и Воскресенские ворота Китай-города с Иверской часовней. Звучали высказывания о том, что надо восстановить вообще все церкви, снесенные в годы советской власти. Однако нашлись те, кто

предпочел этого не делать, а строить новые храмы вне исторического центра. В обществе осталась и приверженность к атеизму, и ностальгия по советской эпохе. Органического единства не было достигнуто ни в мировоззрении, ни в архитектурной среде, преисполненной следов недавнего прошлого.

За воссоздание утраченных архитектурных доминант выступали некоторые архитекторы еще в 1980-е гг. Тогда в МАРХИ профессор Б.К. Еремин предложил заняться «ретроразвитием» города, что дало впечатляющие результаты, правда, только в пределах учебного проектирования (*Еремин 1987*). В 1990-е гг. Ю.М. Лужков, увлеченный историей и археологией Москвы, мечтал о создании особого московского стиля. Такого рода идеи витали в воздухе и были важны не только для столицы, но и для других городов России.

В Нижнем Новгороде под руководством главного архитектора города А.Е. Харитонова развернулась целенаправленная деятельность по модернизации запущенной и покалеченной городской среды на базе творческого освоения местного наследия. Плоды этой деятельности получили высокое профессиональное, хотя и не единодушное признание. В Санкт-Петербурге тоже появились архитекторы, работавшие в исторических стилях и предлагавшие устранять таким способом диссонансы между новыми постройками и давно сложившимся градостроительным контекстом. Этому содействовали амбициозные инициативы богатых заказчиков. Возникновение таких инициатив было и остается поныне явлением весьма знаменательным.

И все же к общему мнению по вопросу возрождения архитектурного стилизаторства прийти не удалось. Московские архитекторы оказали дружное сопротивление Ю.М. Лужкову, обвинив его в некомпетентности и дурновкусии. Никакого «ретроразвития» здесь не получилось хотя бы потому, что во главу угла были поставлены либеральные реформы западного образца. Стали строить свой «Сити», отказавшись от первоначальной идеи Б.И. Тхора воплотить в новом высотном комплексе композиционную идею национального архитектурного шедевра — храма Покрова на Рву. Старались приглашать европейских архитекторов. На пьедестале почета оказался советский архитектурный авангард, оцененный как самое передовое мировое явление. Хотя некоторые фирмы смогли осуществить броские вариации и на тему «сталинского ампира».

Защитники исторической Москвы, среди которых лидировал А.И. Комеч, тоже были противниками и новоделов, и «неоэклетики». Они лишь требовали запретить новое строительство вблизи памятников архитектуры. Никакой веры в возможность сделать современную архитектуру деликатной и красивой у них не было, из-за чего конфликт с практиками не разрешался, несмотря на активную работу Экспертно-консультативного совета при главном архитекторе Москвы.

После смены мэра и главного городского архитектора об устранении этого конфликта просто перестали думать. Реновация пошла по пути радикального обновления облика города, освобожденного к тому же от статуса исторического. Хотя заботу о памятниках архитектуры никто не отменял.

Современность таким образом продолжала оставаться антиномией историзма. Вместе с тем в последнее время улавливаются все более заметные признаки перемен в отношении к этому понятию (*Бондаренко 2023*). Если вернуться к исконному значению слова «современность», то станет ясно, что оно на самом деле охватывает и подразумевает все многообразие явлений настоящего времени. В самом деле, ведь современными для нас являются и прогрессивные, и консервативные взгляды, и мечты о будущем, и переживания о прошлом, и поиски новых средств архитектурной выразительности, и стремление сберечь

наследие. Из этого следует, что указанная антиномия может быть снята и преобразована в бесконфликтное единство многоаспектного целого. Мысль о появлении такой возможности воодушевляет и дает основание для выстраивания новой системы взаимоотношений между старым и новым, сохраняемым и модернизируемым, неизменным и преходящим.

В заключение следует отметить наличие настойчивых попыток международного сообщества обуздать хаотические явления в нашей жизни и отладить систему мер, обеспечивающих «устойчивость» долговременного развития и экономики, и социума, и архитектуры. Хорошо известно, что еще в 1983 г. комиссия ООН подготовила и предложила мировому сообществу декларацию «Принципы устойчивого развития». С тех пор прошло немало совещаний и форумов, нацеленных на внедрение выработанного современной наукой «системного подхода» во все сферы жизни, включая архитектуру и градостроительство.

В ноябре 2023 г. в Египте должна состояться очередная климатическая конференция, к которой Норман Фостер подготовил специальную «Декларацию Сан-Марино» (по названию места, где ее намечено ратифицировать) (*Возвышаева* 2023). Автор расценивает эту декларацию этических стандартов для архитекторов и урбанистов как аналог «клятвы Гиппократа», существующей у медиков. Вот ее основные позиции:

1. Социальная ответственность и инклюзивность.
2. Уважение к культурным традициям и самобытности.
3. Эффективность и цикличность использования ресурсов.
4. Обеспечение безопасности и здорового образа жизни.
5. Бережное отношение к природе.

Все это чрезвычайно важно и полезно. Архитекторы давно настраиваются на выполнение данных требований. Однако не следует переоценивать их реальные возможности. У чиновников и инвесторов гораздо больше полномочий. Они и должны нести ответственность за принимаемые принципиальные решения. В противном случае профессионалы оказываются в заведомо проигрышном положении, ибо они не могут постоянно сопротивляться и «учить начальство». Напрашивается вывод, что насущной необходимостью является целенаправленное включение архитекторов и урбанистов во властные структуры с тем, чтобы был поднят на должную высоту авторитет и престиж нашей профессии.

Однако слишком большой вес руководства опасен для нижестоящих звеньев системы. Такие звездные архитекторы, как Фостер, бывают чрезмерно уверены в своей правоте. Автору доводилось задавать вопрос представителю Фостера на градостроительном конкурсе в Пекине насчет многообразия типов застройки нового города: «Я не вижу в Вашем проекте традиционных для Китая односемейных домов с земельными участками. Где они?». На это последовал жесткий ответ: «Таких домов в современных городах быть не должно!». Господин архитектор легко определил будущее тысяч людей, да еще в совсем другом государстве.

Надо признать, что само понятие «устойчивого развития» («sustainable development») остается до сих пор слабо проработанным в теоретическом плане. Понятно, что требуется системный подход к решению всех проблем человечества и земной биосферы. Но «теория систем» сама находится в развитии и переосмыслении под воздействием все новых и новых гипотез и открытий в различных научных областях. Когда она рождалась в первой половине XX в., казалось, что естественные и точные науки возьмут верх над гуманитарными и приведут к формированию такого общественного устройства, которое будет сродни хорошо отлаженному часовому механизму. Однако жизнь оказалась гораздо сложнее и разнообразнее.

Мир сейчас борется за многополярность, равновесие самых разных государственных образований и этнокультурных сообществ, многим из которых надо успешно конкурировать

и стремительно развиваться. Так что «устойчивость» жизнедеятельности общего должна допускать «порывистость» в развитии частного. Все стратегические планы обязаны предусматривать возможность появления непредвиденных обстоятельств и неожиданных инициатив как у крупных, так и у мелких предпринимателей и собственников городской недвижимости.

Таким образом, общий характер желательного современного развития лучше определить не как «устойчивое», а как «управляемое». Но оно будет успешным только в том случае, если эта управляемость не обретет закосневшие формы тотального контроля за малейшими проявлениями самодеятельности. К сожалению, тенденция к этому сегодня наблюдается, особенно в странах ЕС. Жизнь требует свободы частного волеизъявления. Общество вправе устанавливать для него лишь некоторые разумные пределы допустимого. Делу может помочь система необходимых архитектурно-градостроительных запретов, в рамках которых говорить о развитии просто неуместно (это касается особо ценных памятников и территорий). Но вне рамок этих запретов развитию не должны чиниться препятствия. Впрочем, проявление сдержанности всегда полезно. Поэтому нужно работать над выстраиванием определенных степеней модернизационной активности с тем, чтобы среда жизнедеятельности становилась и комфортнее, и гуманнее, и красивее.

Список источников

- Митрополит* 1989 — *Митрополит Иларион*. Слово о Законе и Благодати. Пер. В. Дерягина // Альманах библиофила. Вып. 26. Тысячелетие русской письменной культуры (988–1988). М., 1989. С. 155–183.
- Хронограф* 1911 — Хронограф редакции 1512 г. // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 22. Ч. I. СПб., 1911. С. 439–440.
- Архитектура* 2019 — Архитектура и культура России в историческом взаимодействии / отв. ред. И.А. Бондаренко. СПб. : Коло, 2019. 430 с.
- Байбурин* 1993 — *Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб. : Наука, 1993. 253 с.
- Бондаренко* 2023 — *Бондаренко И.А.* Архитектура в эпоху модернизации образа современности // Современная архитектура мира. 2023. Вып. 1 (20). С. 11–32. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54159643>
- Бычков* 1992 — *Бычков В.В.* Русская средневековая эстетика. XI–XVII века. М. : Мысль, 1992. 637 с.
- Возвышаева* 2023 — *Возвышаева Т.И.* Формирование и реализация концепции устойчивого развития в творчестве лидеров архитектуры хай-тек // Современная архитектура мира: основные процессы и направления развития : тез. докл. XIV Междунар. науч. конф. г. Москва, 2–3 октября 2023 г. М., 2023. Ст. 16. URL: <https://archi.ru/elpub/99031/t-i-vozvyshaeva-formirovanie-i-realizaciya-koncepcii-ustoichivogo-razvitiya-v-tvorchestve-liderov-arkhitektury-khai-teka?ysclid=ltrhtk006g566967968> (дата обращения: 10.10.2023).
- Грязнова* 2021 — *Грязнова Н.В.* Идеальный образ города Российской империи // Реновация городской среды: исторические прецеденты / отв. ред. И.А. Бондаренко

- ко. М. ; СПб. : Архи.ру-Коло, 2021. С. 149–172. URL: https://archi.ru/files/files_uploaded/1485.pdf/ (дата обращения: 10.10. 2023).
- Еремин 1987 — Еремин Б. К. Архитектурно-планировочные регламентации и проблема преемственности в развитии города : автореф. дис. ... канд. арх. М. : МАРХИ, 1987. 25 с.
- Иконников 2001–2002 — Иконников А. В. Архитектура XX века. Утопии и реальность : в 2-х тт. М. : Прогресс-Традиция, 2001–2002.
- Календарные 1983 — Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев / отв. ред. С. А. Токарев. М. : Наука, 1983. 222 с.
- Кириченко 2020 — Кириченко Е. И. Русский стиль. Поиски выражения национальной самобытности. Народность и национальность. 2-е изд., испр. и доп. М. : БуксМАрт, 2020. 580 с.
- Лисицкий 1934 — Лисицкий Л. Форум социалистической Москвы // Архитектура СССР. 1934. № 10. С. 4–5.
- Михейкин 2023 — Михейкин Д. И. Образы нового в советской архитектуре на рубеже 1950–1960-х годов : автореф. дис. ... канд. арх. Н. Новгород, 2023. 36 с.
- Можаев 2022 — Можаев А. В. Великий посад Москвы: подлинная история Китай-города. М. : Эксмо, 2022. 368 с.
- Соколов 1979 — Соколов В. В. Средневековая философия : учеб. пос. М. : Высшая школа, 1979. 448 с.
- Шевченко 2021 — Шевченко М. Ю. Нормативная архитектура Китая (VI – начало XX вв.) : генезис, принципы, эволюция : дис. ... д-ра арх. М., 2022. 453 с.
- Щенков 2011 — Щенков А. С. Реконструкция исторической застройки в Европе во второй половине XX века: историко-культурные проблемы. М. : УРСС, 2011. 275 с.
- Хан-Магомедов 1996 — Хан-Магомедов С. О. Архитектура советского авангарда. Кн. I. М. : Стройиздат, 1996. 708 с.
- Эстетика 2013 — Эстетика «оттепели». Новое в архитектуре, искусстве, культуре / сост. и отв. ред. О. В. Казакова. М. : Росспэн, 2013. 493 с.

References

- Mitropolit Ilarion. Slovo o Zakone i Blagodati. Per. V. Deryagina (A word about Law and Grace. Per. V. Deryagin). *Al'manakh bibliofila. Tsyacheleti.russkoy pis'mennoy kul'tury (Bibliophile's Almanac. Issue Russian Russian Written Culture (988–1988))*. Vol. 26. Moscow, 1989, pp. 155–183 (in Russian).
- Khronograf redaktsii 1512 g. (Chronograph edition of 1512). *Polnoe sobranie russkikh letopisey (PSRL) (The Complete Collection of Russian chronicles (PSRL))*. Vol. 22. Part. I. Saint Petersburg, 1911, pp. 439–440 (in Russian).
- Arkhitektura i kul'tura Rossii v istoricheskom vzaimodeystvii (Architecture and culture of Russia in historical interaction)*. I. A. Bondarenko (eds.), Saint Petersburg : Kolo Publ., 2019, 430 p. (in Russian).

- Bajburin A.K. *Ritual v traditsionnoy kul'ture. Strukturno-semanticheskij analiz vostochnoslavjanskikh obyadov (Ritual in traditional culture. Structural and semantic analysis of East Slavic rituals)*. Saint Petersburg : Nauka Publ., 1993, 253 p. (in Russian).
- Bondarenko I.A. Arhitektura v epohu modernizacii obraza sovremennosti (Architecture in the era of image of the contemporary modernization). *Sovremennaya arhitektura mira (Modern Architecture of the World)*, 2023, vol. 1(20), pp. 11–32 URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54159643> (in Russian).
- Bychkov V.V. *Russkaya srednevekovaya estetika. XI–XVII veka (Bychkov V.V. Russian medieval aesthetics. XI–XVII centuries)*. Moscow : Mysl' Publ., 1992, 637 p. (in Russian).
- Vozvyshaeva T.I. Formirovanie i realizatsiya kontseptsii ustoychivogo razvitiya v tvorchestve liderov arkhitektury khay-tek (Formation and implementation of the concept of sustainable development in the work of high-tech architecture leaders). *Sovremennaya arhitektura mira: osnovnye protsessy i napravleniya razvitiya : tez. dokl. XIV Mezhdunar. nauch. konf. g. Moskva, 2–3 oktyabrya 2023 g. (Modern architecture of the world: main processes and directions of development : tez. dokl. XIV International Scientific Conference Moscow. October 2–3, 2023)*. Moscow, 2023, p. 16. URL: <https://archi.ru/elpub/99031/t-i-vozvyshaeva-formirovanie-i-realizaciya-koncepcii-ustoichivogo-razvitiya-v-tvorchestve-liderov-arkhitektury-khai-teka?ysclid=ltrhtk006g566967968> (in Russian).
- Gryaznova N.V. Ideal'nyj obraz goroda Rossijskoj imperii (Ideal'ny obraz goroda Rossiyskoj imperii). *Renovatsiya gorodskoj sredy: istoricheskie precedenty (Renovatsiya gorodskoj sredy: istoricheskie precedenty)*. I.A. Bondarenko (ed.). Moscow-Saint-Petersburg : Arhi.ru-Kolo Publ., 2021, pp. 149–172. URL: https://archi.ru/files/files_uploaded/1485.pdf/ (in Russian).
- Eremin B.K. *Arkhitekturno-planirovochnye reglamentatsii i problema preemstvennosti v razvitiu goroda : avtoref. diss. ... kand. arkh (Architectural and planning regulations and the problem of continuity in the development of the city : abstract. diss. ... Candidate of Architecture)*. Moscow : MARHI, 1987, 25 p. (in Russian).
- Ikonnikov A.V. *Arhitektura XX veka. Utopii i real'nost' : v 2-kh tt. (Architecture of the twentieth century. Utopias and reality : in 2 volumes)*. Moscow : Progress-Tradiciya Publ., 2001–2002. (in Russian).
- Kalendarnye obychai i obyady v stranakh zarubezhnoy Evrop. Istoricheskie korni i razvitie obychaev (Calendar customs and rituals in the countries of foreign Europe. Historical roots and development of customs)*. S.A. Tokarev (ed.). Moscow : Nauka Publ., 1983, 222 p. (in Russian).
- Kirichenko E.I. *Russkij stil'. Poiski vyrazheniya natsional'noy samobytnosti. Narodnost' i natsional'nost' (Russian style. The search for the expression of national identity. Nationality and nationality)*. 2nd ed., cor. and exp. Moscow : BuksMArt publ., 2020, 580 p. (in Russian).
- Lisickij L. Forum sotsialisticheskoy Moskvy (Forum of socialist Moscow). *Arhitektura SSSR*, 1934, no. 10, pp. 4–5 (in Russian).
- Mihejkin D.I. *Obrazy novogo v sovetskoj arkhitekture na rubezhe 1950–1960-kh godov (Images of the new in Soviet architecture at the turn of the 1950s and 1960s : abstract of the dissertation of the Candidate of Architecture)*. Nizhnij Novgorod, 2023, 36 p. (in Russian).

- Mozhaev A.V. *Velikiy posad Moskvy: podlinnaya istoriya Kitay-goroda (The Great Posad of Moscow: the true history of Kitay-gorod)*. Moscow : Eksmo Publ., 2022, 368 p. (in Russian).
- Sokolov V.V. *Srednevekovaya filosofiya (Medieval philosophy)*. Moscow : Vysshaya shkola publ., 1979, 448 p. (in Russian).
- Shevchenko M.Yu. *Normativnaya arkhitektura Kitaya (VI – nachalo XX vv.): genesis, printsipy, evolyutsiya : dis. ... d-ra arkh. (Normative architecture of China (VI – early XX centuries): genesis, principles, evolution : dissertation of Dr. arch)*. Moscow, 2022, 453 p. (in Russian).
- Shchenkov A.S. *Rekonstruktsiya istoricheskoy zastroyki v Evrope vo vtoroy polovine XX veka: Istoriko-kul'turnye problemy (Reconstruction of historical buildings in Europe in the second half of the twentieth century: Historical and cultural problems)*. Moscow : URSS Publ., 2011, 275 p. (in Russian).
- Khan-Magomedov S.O. *Arkhitektura sovetskogo avangarda (Architecture of the Soviet avant-garde)*. Kn. I. Moscow : Strojizdat Publ., 1996, 708 p. (in Russian).
- Estetika «ottepeli». Novoe v arhitekture, iskusstve, kul'ture (The aesthetics of the “thaw”. New in architecture, art, culture)*. O.V. Kazakova (ed.). Moscow : Rosspen Publ., 2013. 493 p. (in Russian).

ОБ АВТОРЕ: **Бондаренко Игорь Андреевич** — доктор архитектуры, профессор, академик РААСН, лауреат Государственной премии России в области литературы и искусства, главный научный сотрудник; **Филиал «ЦНИИП Минстроя России» Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства (Филиал «ЦНИИП Минстроя России» НИИТИАГ)**; 111024, г. Москва, ул. Душинская, д. 9; РИНЦ ID: 71328; igor.bondarenko.54@mail.ru.

BIONOTES: **Igor Andreevich Bondarenko** — Doctor of Architecture, Professor, Academician of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences, laureate of the State Prize of Russia in the Field of Literature and Art, Chief Researcher; **Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning, branch of the Central Institute for Research and Design of the Ministry of Construction and Housing and Communal Services of the Russian Federation (NIITIAG)**; 9 Dushinskaya st., Moscow, 111024, Russian Federation; ID RSCI: 71328; igor.bondarenko.54@mail.ru.
